

19. Хевеши М.А. Толпа, массы, политика: ист.-филос. очерк. – М.: ЦОП Института философии РАН, 2001. – 223 с.
20. Хоружий С.С. К пределам феноменологии: Шпет, Гуссерль и интенциональность в мире духовной практики [Электронный документ]. – Режим доступа: <http://www.synergia-isa.ru/lib/download/lib/%2BShpetBorDokl.doc>.

Волков А. Г. Мания разрушения как состояние политического сознания протестного политического субъекта.

В статье рассматривается мания разрушения, которая характерна для протестного субъекта. Показано, что представляет собой модус сознания. Выявлена противоречивость отношения к себе и миру того, кто охвачен манией разрушения. В частности раскрыто, каким образом требование свободы может использоваться для оправдания насилия. Указано на то, что обладание властью в протестном субъекте предполагает способность быть жестоким и непримиримым, что приводит к культуре личности.

Ключевые слова: модус сознания, страсть, революция, мания разрушения, протестный субъект, жертва, имидж героя.

Volkov O. H. Craze of destruction as state of political consciousness of protest political subject.

The craze of destruction, that is characteristic for consciousness of protest subject, is examined in the article. It is shown that presents modus of consciousness. Educed contradiction that, who is overcome by the craze of destruction. In particular, it is shown how the requirement of freedom can be used for acquittal of violence. It is indicated on that possessing power in a protest subject supposes ability to be cruel and irreconcilable, and results in the cult of personality.

Keywords: modus of consciousness, passion, revolution, craze of destruction, protest subject, victim, image of hero.

Кононова О. В.

ПРЕОДОЛЕНИЕ ОДИНОЧЕСТВА В СОБЫТИИ ОБЩЕНИЯ

В статье анализируется событие общения как потенциальная возможность преодоления одиночества. Акцентируются аспекты, влияющие на упразднение полноценного межличностного общения, рассматриваются варианты построения общения, приводящего к устранению разрыва между «Я» и «Ты», анализируется диалог как форма существования «Я» с «Другим»

Ключевые слова: одиночество, общение, диалог, «Я», «Ты», «Другой».

Одиночество – понятие неоднозначное, многогранное, имеющее как позитивные, так и негативные коннотации. Прежде всего это отсутствие основательной эмоциональной связи, нарушение общности с окружающим миром, изоляция. Болезненность и трагичность переживания одиночества открывается через самопознание, как следствие, констатацию непреодолимой пропасти, которая обусловлена невозможностью полноценного выражения внутреннего «Я» и непознаваемостью, неясностью другого «Я». «В своем одиночестве, в своем существовании в самом себе я не только остро переживаю и сознаю свою личность, свою особенность и единственность, но я также тоскую по выходе из одиночества, тоскую по общению не с объектом, а с другим, с ты, с мы [2]». Утверждение Н.А. Бердяева, что общение – обратная сторона одиночества, акцентирует проблему формы, уровня такого общения, которое дает возможность проложить путь к «Другому». Одновременно возникает и другая проблема. При установлении связи существует риск тотального упразднения дистанции между «Я» и «Другим», деперсонализации, растворения. С нашей точки зрения, общение не только не выполняет задачу выхода из одиночества, а, напротив, создает необходимые предпосылки для возникновения такового. Современный человек преломляет суть общения, сводит его к упрощенному процессу передачи информации, теряет личностную основу, что приводит не столько к преодолению одиночества, сколько к растворению в безликой массе.

Цель статьи – анализ события общения как пути преодоления одиночества.

В рамках данной проблемы мы выделяем исследования А. И. Дахний (одиночество как ключевая проблема современной философской антропологии), И. Зизиуласса (проблема противостояния «Я» и «Другого»), Л. Ю. Левченко (гендерный аспект проблемы), Е. А. Мазуренко (анализ комплекса личностных и социальных аспектов одиночества), Д. А. Матвеева (социально-философский срез одиночества в контексте нарушения коммуникации), М. М. Мовчан (социальный аспект), Н. Е. Покровского (проблема одиночества в психологических и социальных аспектах), Ж. В. Пузановой (одиночество как духовная болезнь общества), Е. Е. Роговой (социально-философский анализ формирования и преодоления одиночества), Л. Я. Флёрко (проблема одиночества в современной европейской философии), Н. В. Хамитова (метаантропология и андрогин-анализ, гендерный аспект одиночества).

«Я» реализуется полноценным образом только в отношении с «Другим». «Я» жаждет выйти во внешний мир, стремится быть увиденным и услышанным, запечатленным «Другим». Однако пересечение собственных пределов, направленность к «Другому» открывает фактор наличия и непреодолимости дистанции. Обнаруживается чуждость и враждебность «Другого», который либо не принимает, либо угрожает уникальности «Я», претендуя на изменение его сущности. Заключение Ж.-П. Сартра, что «Ад – это другие», во многом определяет стиль восприятия «Другого» в современном обществе. В пьесе «За закрытыми дверями» [8] мыслитель определяет «Другого» как угрозу уникальности, свободе «Я», то лишнее, с которым приходится делить одно пространство. Молчание, игнорирование «Другого» становятся фундаментальными принципами отношения. «Я» сознательно ставит преграду перед «Другим», закрывает личное пространство от вторжения, тем самым обрекая себя на страдание одиночества.

Человек находится в противоречивой ситуации. С одной стороны, он жаждет преодолеть оторванность, дистанцию, разделяющую «Я» и «Другого», с другой – отстаивает священное право на сохранение своих пределов. В этом состоит сложность проблемы – одиночество не должно быть полностью упраздненным. Справедливо замечание Э. Левинаса [6] о невозможности тотального преодоления одиночества, поскольку человеку свойственно осознанно или неосознанно устанавливать границы между собой и другим человеком. В понимании Э. Левинаса одиночество – это обособленность, которая охватывает необходимость самореализации, наполнение жизнедеятельности смыслом, свободу и ответственность. Оно становится фундаментальной необходимостью личностно окрашенного существования. Однако далеко не каждый человек оказывается готовым к принятию одиночества, свободы и ответственности за самого себя, свою жизнедеятельность. Страх перед одиночеством порождает согласие на обезличивание, слияние и поглощение массой. С нашей же точки зрения, дистанция между «Я» и «Другим» должна быть обязательной, необходимо хранить свои отличия, личное пространство.

Мы определяем общение как событие своеобразного рождения «Я», момент высказывания внутреннего содержания, смысла, равно как открытие и обретение «Другого», размыкание личного пространства. Утрата «Другого» ввергает «Я» в одиночество, способствует разрушению и умиранию, соответственно, общение становится той сферой, где «Я» вместе с «Другим» обретают свою

цінну реалізацію. Між тим людина при наявності багатьох способів передачі інформації демонструє повільне, але вірне зникнення спілкування з його головним призначенням – отриманням спільноти. Спілкування повинно мати особисту заповнюваність, в протилежному випадку воно стає формальним, визначається програмуванням соціальних ролей, зникають фактори інтимності і довірливості, а «Другий» залишається чужим і не досяжним для «Я». Відносини набувають поверхневий і фрагментарний характер, де «Другий» втрачає свою цілісність і повноту, визначається тільки соціальною роллю, а «Я», в свою чергу, стає замаскованим і театральним.

Ми розділяємо точку зору Н. А. Бердяєва, що особистість є носій духа. Особистість визначається ні біологічними, ні соціальними факторами, а пов'язана з ідеальним світом. Виводячи її в іншу сферу буття, філософ підкреслює, що вона завжди самотня, однак, найважливішим її ознакою є трансцендентність. Самотність, тобто особливість від «Другого», не тотожно закритості, навпаки, стає потужним імпульсом, мотивацією для виходу за власні межі. Реалізація особистого спілкування вимагає іншого рівня – духовного: «Внутрішнє існування мого «я» і «я» іншого не залежить від викинутості в світ, в ньому виявляється інший порядок буття» [2]. Оскільки особистісно забарвлене «Я» не належить об'єктивізованому світу, справжнє міжособистісне спілкування – спілкування «Я» з «Другим», відмінне від «Я», але близьке і зрозуміле, можливо тільки за впливом безликого світу. Саме в спілкуванні особистісне становлення «Я» знаходить своє завершення – «Я» по-справжньому існує тільки виходячи з спілкування з «Другим».

Другим важливим фактором ускладнення події спілкування є страх і ворожнеча «Другого», що викликане непохожістю і відмінністю «Я». Недовіра і закритість стають основними принципами міжособистісних відносин. Як справедливо зауважує І. Зизиулас [4], людина не тільки боїться «Другого», його лякає будь-яка інакшість, яка частіше зводиться до понять відокремленості і ворожнечі: «Захист від іншого є в нашій культурі фундаментальною необхідністю. Наявність іншого сприймається нами як наростаюча загроза. Нас змушують і навіть поощрюють бачити в іншому свого ворога раніше, ніж ми зможемо побачити в ньому або в ній свого друга» [4, 1]. По суті, «Я», вступаючи в відносини з «Другим», свідомо встановлює перешкоди в очікуванні нападу з боку цього «Другого». Причини такої установки

И. Зизиулас видит в доминирующем приоритете самости, эгоцентричности, что, в свою очередь, связано с грехопадением человека: «Отвержение Бога Адамом означало отвержение инаковости как конститутивного элемента бытия. Притязая быть Богом, Адам отверг Иного как конституирующего его бытие и первоосновой своего существования провозгласил самого себя. В результате Самость получила онтологический приоритет перед Иным» [4, 54]. Изначальное доминирование «Я» приводит к тому, что «Я» трактуется как единственная инстанция, формирующая «Другого», который существует лишь благодаря «Я». Ж.-П. Сартр рассматривает «Другого» как того, кто претендует на оригинальность и свободу «Я». В целях самосохранения «Я» вынуждено искать пути обхода («взгляда другого человека») или принять образ, предложенный «Другим», обезличиваясь в общении. Отношение «Я» с «Другим» сводится к обороне от «Другого», окончательному замыканию «Я» в самом себе.

Эффективный выход из состояния вражды между «Я» и «Другим» предлагает Э. Левинас. В его концепции как раз «Другой» имеет первоначальное значение, «Я» существует для и через «Другого». Выдвигаемый тезис о том, что «Я» в отношении с «Другим» освобождается от самого себя, оспаривает утверждение Ж.-П. Сартра о порабощении «Я» «Другим». Причина освобождения «Я» объясняется фактом устранения эгоцентричности, явление «Другого» трактуется как привнесение смысла в существование «Я». Отметим важную деталь: философия Э. Левинаса имеет религиозные корни, поэтому «Я» и существует в непрерывном ощущении присутствия «Другого», выражает желание и готовность быть услышанным, словно пребывает в ожидании зова.

Линия зова – отклика, диалога является ключевой в философии М. Бубера. Здесь событие общения не тождественно коммуникативному акту, не ограничено только языковыми средствами. Это перманентное подразумевание «Другого» в рамках или вне речевого события, сфера со-существования, со-бытия, взаимного разделения общего пространства. Общение, которое не ограничивается временным взаимодействием с «Другим», а продолжается даже в одиночестве, становится стилем существования. Диалог определяется как «пред-стояние» «Я – Ты», сосуществование в общей сфере общения – в сфере «Между». Человек, подразумевая «Ты», определяет другого человека, весь окружающий мир, Бога как непрерывно обращающихся к «Я»: «Мы не слышим Ты и все же чувствуем, что нас окликнули, мы отвечаем создавая, думая, действуя...» [3, 18]. «Я» в своей целостности, полноте и свободе стоит

перед «Ты», ему отводится ключевая роль, поскольку мир всегда пребывает в ожидании отклика «Я», которое должно иметь внутреннюю необходимость, стремление почувствовать родственность мира, преодолеть потребительское отношение к нему. Как только «Я» открывается миру, мир становится прозрачным: «Ты» внезапно раскрывается для «Я». Момент встречи «Я – Ты» – это именно тот момент, о котором Л. И. Шестов [9] пишет, что вдруг исчезает стена, и мир становится ясным. Но стена не исчезает самостоятельно. «Я» разрушает эту стену выходом за свои пределы, желанием встречи, инициирует существование «Ты», кто принимает «Я» в его инаковости и свободе.

«Пред-стояние» «Я» и «Ты» – это отображение основного «пред-стояния» «Я» и Бога. Вера – центр, духовное сосредоточение, которое формирует сообщество, рождает общность между «Я» и «Ты». Готовность «Я» выйти в сферу «Между» открывает мир в его единстве. Нахождение рядом «Ты» обретает глубинный смысл для «Я», которое осознает себя по-иному, не в своей отдельности, а в сосуществовании. «Ты» – это некто, кому «Я» открывает свою инаковость, неповторимость, познавая, в свою очередь, особенность «Ты». Общение в контексте «Я – Ты» одновременно разрешает проблему одиночества «Я» как закрытости и отделенности от «Ты», сохраняя одновременно уникальность и свободу «Я». В диалоге совершается переход от объективированных отношений к личностному «пред-стоянию», меняется сама сущность «Я», равно как и «Ты».

В концепции М. Бубера значительная роль отводится одиночеству. Мыслитель акцентирует, что только при непрерывном переживании одиночества отношение становится возможным. Действительно, общение принимает диалогичный характер только при возникновении обособленности «Я», дистанции для восприятия образа «Ты» в полной мере. Одиночество становится исходным пунктом движения к «Ты». В данном контексте это не одиночество-раскол. Напротив, это одиночество обособленного, но целостного, нераздробленного «Я», которое в своей полноте и единстве выходит на диалог с «Ты». Как только «Я» перестает переживать свою целостность, появляется внутренний раскол, диалог превращается в монолог, целью общения становится самодовлеющее «Я». Такое эгоистичное, замкнутое на самом себе «Я» утверждает разрыв и дистанцию от «Ты». Подчеркнем, что познание «Ты», равно как и раскрытие самого себя, возможно только в диалоге: «Быть – значит общаться диалогически. Когда диалог кончается – все кончается» [1]. Между тем не каждый диалог

осуществляет отношение с «Ты». В концепции М. М. Бахтина выделяются два типа диалога: внутренний и внешний, которые протекают, соответственно, во внутреннем и внешнем мире человека. Внутренний диалог – это разговор с самим собой. Внутренне диалогичное «Я» раздвоено, раздробленно, внутри существует надрыв, несогласие, полифония, звучит не один, а несколько взаимоотрицающих голосов. Любой «Другой» для такого раздробленного «Я» становится тем «Другим», с которым «Я» внутри себя уже ведет диалог. Во внешнем диалоге любая реплика «Я» становится либо утверждением, либо отрицанием, но всегда относится к самому себе. «Другой» играет роль подстраховки, подтверждения «Я». Его внешний голос становится отголоском внутреннего голоса «Я». Пока нет монологически твердого, уверенного, не разложенного, единого голоса «Я», нет диалога с «Другим», поэтому свободное «пред-стояние» «Я – Ты» оказывается невозможным. Отношение с «Другим» получает жизненную необходимость для «Я». «Я», определяясь и утверждаясь через это отношение, существует, подразумевая «Другого», отводя ему место в своем внутреннем мире, однако «Другой» для такого раздробленного «Я» никогда не станет «Ты». «Я» существует с «оглядкой» на «Другого», видит в нем средство и способ собственного самоопределения. «Другой» – фон для существования «Я».

Аналогичный случай диалогичного, раздробленного «Я» находим в аналитическом очерке Ж.-П. Сартра, посвященном Ш. Бодлеру [7]. Ж.-П. Сартр пишет, что одиночество поэта «многочленно» и «населено», само «Я» двойственно и диалогично, фактически существуют два «Я»: истязающее и истязаемое. «Я» поэта преобразовывается, меняет облик, примеряет маски, становится «Другим». Способность к перевоплощению и многоликости приводит к тому, что Ш. Бодлер не отделяет собственное «Я» от примиряемых масок. Такое искусственно созданное «Я» существует с оглядкой на «Другого». Как только «Другой» перестает существовать во внешней реальности, поэт переносит его образ во внутренний мир, населяет свое одиночество и таким образом спасает «Я» от трагедии разрыва. Однако подобное существование с оглядкой на «Другого» не соответствует интимному, взаимопроникающему отношению «Я» и «Ты». В то же время здесь содержится один важный момент: «Я», предчувствуя взгляд «Другого», все еще оказывается способным к коммуникации. Ш. Бодлер в своем обращении к «Другому», по сути, обращен к самому себе, здесь «Другой» – лишь отражение «Я».

Писатель ощущает на себе взгляд «Другого», но продолжает видеть в нем себя, всегда одинокого и отверженного.

Общение инициируется острым желанием наполнить пустоту, созданную нехваткой «Другого», желанием быть в отношении. Переживание трагического разделения инициирует «Я» на движение к «Другому», рождает желание «Другого». Однако проблема современного человека как раз и состоит в том, что он утрачивает желание «Другого». Общение, диалог, открытие и проникновение в «Другого» становятся архаизмами. Человек более не ведет диалог, но замыкается в монологе с самим собой. «Я» не стремится услышать, не обращается к «Другому», теряет жажду отклика. Создается впечатление, что современный человек теряет надежду на преодоление собственного одиночества, смиряется со своей изолированностью от «Другого» даже в момент нахождения с ним: «Сосредоточенный только на себе, современный человек нарциссичен, может быть, несчастен, но без угрызений совести» [5]. Собственно, в данном положении и состоит проблема общения в контексте современного общества: «Я» вырабатывает в самом себе идею ненужности «Другого», более не желает преодолевать свои границы на пути к «Другому».

Подведем итог. В контексте данной статьи мы рассматриваем общение как событие преодоления дистанции между «Я» и «Другим». Общение становится ключевым моментом в существовании: «Я» обретает свою завершенность в «пред-стоянии» со своим «Ты». Однако общение, которое должно вывести «Я» из изоляции, сегодня утрачивает значимость и силу. Существует ряд факторов, которые влияют на форму и качество общения. Страх инаковости, непохожести «Другого» вызывает недоверие, предчувствие опасности, угрозы уникальности «Я», ограничивает свободу быть самим собой. «Я» получает право на своеобразие только в отделенности от «Другого», что выводит одиночество в статус изначального условия существования человека.

Важным фактором становится внутренняя трансформация человека, вследствие которой утрачивается способность и желание постоянного зова извне. Современный человек не ставит перед собой задачу инициировать «Другого» к событию общения, диалогическому отношению, что составляет основную трудность осуществления общения. Думается, человек утрачивает смысловую наполняемость отношений с «Другим», «Другому» более не отводится значимая роль в существовании «Я». Последнее обрекает себя на разрушение собственной замкнутостью и эгоцентричностью. Впрочем,

одинокість, к которому сучасний людина демонструє необ'ясниме влечення, не робить його більш щасливим і цінним. Проблема закритості людини і відсутності почуття «Другого» приводить нас до необхідності розв'язання іншої задачі – визначення і відродження значення «Другого» в існуванні «Я», початкового значення стосунку з «Другим».

ЛІТЕРАТУРА

1. Бахтін М.М. Проблеми творчості Достоєвського [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://www.vehi.net/dostoevsky/bahtin/index.html>.
2. Бердяєв Н.А. Я і світ об'єктів. Спроба філософії самотності і спілкування [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://www.vehi.net/berdyayev/mirobj/index.html>
3. Бубер М. Я і Ти / [пер. з нім. М. Рінкевич] // Бубер М. Два образи віри. – М. : Республіка, 1995. – С. 15-92.
4. Зизиулас І. Спілкування і індивідуальність. Нові риси особистості і церкви / [пер. з англ. М. Тостолуженко, Л. Колкер]. – М. : Видавництво ББІ, 2010. – xii + 407с.
5. Кристева Ю. Душа і образ [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://philosophy.ru/library/intent/08kristeva.html#reb>.
6. Левінас Е. Світ і Другий [Електронний ресурс]. – Режим доступу : http://i-text.narod.ru/lib/levinas/levinas_vremya_i_drugoi.htm#bdn%7C2.
7. Сартр Ж.-П. Бодлер / [пер. з фр. Г. Косиков] // Бодлер П. Цвіти Зла. Сторіччя в прозі. Дневники. – М. : Вишп. пк., 1993. – С. 317-449.
8. Сартр Ж.-П. За закритими дверима [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://lib.rus.ec/b/144860/read>.
9. Шестов Л.І. Апофеоз самотності // Шестов Л.І. Апофеоз самотності. – М. : ООО «Видавництво АСТ», 2000. – С. 452-616.

Кононова О. В. Подолання самотності у події спілкування.

У статті проаналізовано подія спілкування як потенційна можливість подолання самотності. Увагу акцентовано на тих аспектах, що впливають на скасування повноцінного міжособистісного спілкування. Розглянуто варіанти побудови спілкування, що призводить до усунення розриву між «Я» і «Ти», проаналізовано діалог як форму існування «Я» з «Іншим».

Ключові слова: самотність, спілкування, діалог, «Я», «Ти», «Інший».

Kononova O. V. Overcoming of loneliness in the event of intercourse.

The article is devoted to the analysis of the event of intercourse as a potential possibility of overcoming of loneliness. Aspects, influencing on abolition of valuable interpersonal communication, are accented, the variants of construction of communication, resulting in the removal of break between «I» and «Thou» are examined, a dialog as form of existence of «I» with «Another» is analysed.

Keywords: loneliness, intercourse, dialog, «I», «Thou», «Another».

Фролова Н. М.

ДО ПИТАННЯ СОЦІАЛЬНОГО БУТТЯ МОВИ

Стаття присвячена дослідженню соціальної природи мови. Доведено, що мова є соціальною за походженням, всі мовні рівні соціально обумовлені, відображають життя суспільства й цілком залежать від тих процесів, які відбуваються в ньому.

Ключові слова: мова, суспільство, соціальні цінності, лінгвістичні цінності, соціальні зміни, мовні процеси.

Мова – це одна з форм суспільної свідомості (нарівні з повсякденною й релігійною свідомістю, мораллю і правом, мистецтвом, політикою й наукою). Своєрідність мови як форми суспільної свідомості полягає в тому, що мова, поряд із психофізіологічною здатністю відтворювати світ, є передумовою суспільної свідомості; крім того, мова являє собою семантичний фундамент й універсальну оболонку різних форм суспільної свідомості. Характерно, що за своїм змістом семантична система мови найбільш наближена до повсякденної свідомості. За допомогою мови здійснюється власне людська форма передачі соціального досвіду (культурних норм, звичаїв і традицій, технологічного та природничого знання).

Своєрідність мови як суспільного явища, по суті, корениться в двох її особливостях: по-перше, в універсальності мови як засобу спілкування і, по-друге, в тому, що мова – це засіб, а не зміст і не мета спілкування; семантична оболонка суспільної свідомості, але не сам зміст свідомості. Тобто одна й та ж мова може бути засобом вираження протилежних ідей, різних філософських концепцій, численних варіантів життєвої мудрості. Тому для філософів